

Военный БПЛА - 1

Александр Восьмой

Александр Восьмой
Военный БПЛА - 1

«Автор»

2026

Восьмой А.

Военный БПЛА - 1 / А. Восьмой — «Автор», 2026

В эпицентре войны, где каждая секунда решает исход боя, тактика становится искусством выживания. Кирилл — оператор БПЛА, для которого «десятка» дронов — не просто техника, а щит, прикрывающий штурмовую группу. Один разведывательный дрон, один дальний, восемь лёгких — каждый аппарат на счету, каждый запуск просчитан до секунды. Городские руины и бескрайняя степь становятся ареной жестокой игры с противником, где РЭБ глушит связь, а цена ошибки — человеческие жизни. От точного удара лёгкого БПЛА до «дальнего взгляда», меняющего расстановку сил, — каждая операция оттачивает мастерство героя и превращает импровизацию в строгую систему. Это история о том, как холодный расчёт и ответственность спасают там, где заканчивается храбрость. Динамичный военный триллер в аниме стилистике: напряжение, стратегия и цена каждого приказа.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Военный БПЛА - 1

Глава 1. «Первый взлёт: тишина перед бурей»

Бункер пахнул металлом, холодным пластиком и едва уловимой горечью кофе, который кто-то пил здесь ещё до рассвета. В полумраке мерцали экраны, похожие на ряды тусклых окон в иной мир — мир, где небо было не просто небом, а полем боя, а каждый пиксель мог стоять чьей-то жизни.

Кирилл сидел перед пультом, чувствуя, как под пальцами дрожит тонкая грань между решением и ошибкой. Перед ним — панель управления, десятки индикаторов, графики, линии траекторий. Всё это выглядело как сложный музыкальный инструмент, на котором он ещё не научился играть. Сегодня была его первая боевая смена.

— Готовность к запуску? — голос командира прозвучал в наушниках сухо, без эмоций, будто он спрашивал о погоде.

— Готов, — ответил Кирилл, хотя внутри всё сжималось от напряжения.

На столе перед ним лежала распечатанная схема тактики: «10 БПЛА. 1 — разведывательный. 1 — дальнего радиуса. 8 — лёгких ударных. После выпуска — переход к штурму». Простая, почти математическая формула. Но за каждой цифрой стояли реальные люди, реальные секунды, реальные жизни.

Он запустил первый дрон — разведывательный. Тот бесшумно поднялся в небо, словно тень, оторвавшаяся от земли. На экране появилась картинка: серая лента дороги, редкие деревья, неподвижные силуэты техники вдалеке. Мир сверху казался игрушечным, почти безобидным. Но Кирилл знал: в этой обманчивой тишине пряталась угроза.

Второй — дрон дальнего радиуса — ушёл дальше, туда, где линия горизонта сливалась с небом. Его задача — заглянуть за край видимости, найти то, что скрыто. Экран показывал увеличивающееся расстояние: 30 км... 50 км... 70 км. Каждый километр был шагом в неизвестность.

А потом пришло время лёгких ударных БПЛА — восьмёрки, которая должна была стать кулаком этой операции. Кирилл методично запускал их один за другим, чувствуя, как ритм его дыхания подстраивается под ритм запусков. Каждый дрон занимал свою позицию, формируя невидимую сеть над зоной ответственности. Радиус поражения — 80 километров. В этом круге сейчас решалась судьба наступления.

— Данные поступают, — сообщил техник, не отрываясь от монитора.

Кирилл кивнул, хотя никто его не видел. На экранах появлялись отметки: скопления техники, перемещения пехоты, возможные точки засады. Информация стекалась к нему, как вода в воронку, и он должен был превратить её в приказы.

В этот момент он впервые ощутил тяжесть своей роли. Он не был на передовой, не держал в руках автомат, не шёл в атаку. Но от его решений зависело, кто вернётся, а кто останется там, в серой пустоте полей и дорог.

Тишина в бункере стала почти осязаемой. Она давила, звенела в ушах, заставляла сердце биться чаще. Казалось, что весь мир замер в ожидании первого сигнала — того самого, который запустит цепную реакцию боя.

И когда на экране появилась первая подтверждённая цель — скопление вражеской пехоты на перекрёстке у старого моста, — Кирилл понял: тишина вот-вот закончится.

— Цель подтверждена, — проговорил он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Принято, — коротко ответил командир.

Кирилл перевёл взгляд на панель управления лёгкими БПЛА. Восемь машин ждали его команды. В голове промелькнула мысль: «Сейчас я стану частью чего-то большего. И, возможно, кем-то другим».

Он нажал кнопку.

Первый лёгкий БПЛА сорвался с траектории, уходя на снижение. За ним последовали остальные. На экранах замигали индикаторы наведения, линии прицеливания выстроились в чёткие геометрические фигуры. Время будто замедлилось: каждый кадр, каждый сигнал, каждое движение казались бесконечно длинными.

А потом пришла команда, которую он ждал и боялся одновременно:

— После выпуска переходим к штурму.

Эти слова прозвучали как приговор и как освобождение. Кирилл откинулся на спинку кресла, чувствуя, как напряжение сменяется холодной решимостью. Теперь его работа здесь была закончена. Впереди ждал штурм — и новая роль в этой бесконечной шахматной партии войны.

За пределами бункера первые лучи рассвета коснулись земли, окрашивая поля в золотисто-розовые тона. Но для Кирилла этот рассвет был не символом нового дня, а знаком того, что буря наконец началась.

Глава 2. «Десять крыльев: язык тактики»

Бункер будто стал теснее — в воздухе висела густая, почти осязаемая напряжённость. После первого запуска экраны продолжали мерцать, выдавая поток данных, а в углу комнаты тихо щёлкал принтер, выплёвывая свежие распечатки маршрутов. Кирилл всё ещё чувствовал дрожь в пальцах — последствие первого боевого приказа, который он отдал. Теперь ему предстояло не просто управлять машинами, а понять язык, на котором эти машины говорят с войной.

В проёме двери появился полковник Воронов — высокий, с резкими чертами лица и взглядом, который будто сканировал собеседника насквозь. Он подошёл к столу, положил перед Кириллом тонкую папку с пометкой «Тактика „Десятка“» и сел напротив.

— Ты думаешь, это просто цифры, — сказал он, постучав пальцем по обложке. — Десять дронов. Один, один, восемь. Математика. Но на поле боя математика — это скелет, а не плоть. Плоть — это то, как ты заставляешь эти цифры дышать.

Кирилл сглотнул. Он хотел ответить уверенно, но слова застряли в горле.

— Объясни мне, — продолжил Воронов, не повышая голоса, — что делает разведывательный дрон первым. Не по порядку, а по смыслу.

— Он... ищет угрозы, — тихо начал Кирилл, собираясь с мыслями. — Показывает, где противник, где засады, где минные поля. Без него мы слепы.

— Верно, — кивнул полковник. — Но разведывательный — это не просто глаза. Это предупреждение. Это шепот перед криком. Он не атакует, он даёт нам право знать, куда не надо идти. И в этом его сила. Пока он кружит над нейтральной полосой, мы не делаем ни шага. Он — наш фильтр.

Кирилл кивнул, чувствуя, как кусочки мозаики начинают складываться.

— А дальний дрон, — продолжал Воронов, разворачивая на столе карту с нанесёнными зонами покрытия, — это уже не просто взгляд. Это прыжок за горизонт. Его задача — не фиксировать, а предсказывать. Он уходит на 150, 200 километров, туда, где ещё ничего не видно с земли. Там он ищет резервы, колонны снабжения, скрытые узлы связи. Если разведывательный говорит: «Осторожно, здесь яма», то дальний говорит: «Через час сюда приедет грузовик с подкреплением». И вот тогда мы решаем: ударить сейчас или подождать.

На экране в этот момент вспыхнула новая метка — дальний дрон передал данные о движении техники на второстепенной дороге. Кирилл посмотрел на неё, и вдруг тактика перестала быть сухой схемой. Она стала живой.

— Теперь лёгкие ударные, — Воронов постучал по цифре «8» на схеме. — Восемь крыльев, которые становятся кулаком. Их радиус — 80 километров. Но это не просто зона поражения. Это сеть. Представь: они не бьют в одну точку. Они создают давление. Рассекают маршруты, заставляют противника разбегаться, мешают ему собраться в кулак. Каждый из них — как острие иглы: сам по себе не решает исход, но вместе они превращают поле боя в ловушку.

Кирилл вспомнил, как запускал их один за другим — ритмично, словно отбивая такт. Теперь он видел в этом не просто последовательность, а симфонию ударов.

— И вот здесь, — полковник провёл пальцем по линии, отделяющей зону действия дронов от линии штурма, — происходит самое важное. Переход к штурму — это не смена инструмента. Это смена ритма войны. Пока дроны работают, время течёт иначе. Мы можем позволить себе секунды на анализ, на уточнение координат, на проверку данных. Но как только начинается штурм, секунды становятся жизнями. И тогда уже не дроны, а люди принимают на себя удар.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Твоя задача — сделать так, чтобы к моменту штурма противник был дезорганизован. Чтобы его резервы были заняты, его маршруты перекрыты, его уверенность подорвана. Дроны должны не просто нанести урон — они должны сломать его готовность сопротивляться. И только тогда штурмовая группа сможет пройти там, где раньше было невозможно.

Кирилл посмотрел на панель управления. На экранах мелькали траектории, обновлялись метки, система автоматически пересчитывала зоны покрытия. Теперь он видел не просто набор машин, а единый организм: разведывательный — как чуткое ухо, дальний — как дальновидный разум, лёгкие ударные — как быстрые, безжалостные когти.

— Ты боишься ошибиться, — неожиданно сказал Воронов, будто прочитав его мысли. — Это правильно. Бояться — значит понимать цену. Но помни: тактика — это не гарантия успеха. Это способ сделать успех возможным. И твоя «десятка» — это не десять отдельных дронов. Это десять крыльев одной птицы. И пока они работают вместе, птица может лететь.

В этот момент на одном из экранов появилась новая угроза — группа пехоты противника начала смещаться к флангу, пытаясь обойти зону наблюдения. Кирилл почувствовал, как внутри просыпается холодная собранность.

— Разрешите скорректировать маршрут лёгкого БПЛА номер три, — проговорил он, уже не дрожащим, а ровным голосом.

Воронов кивнул.

— Действуй. И помни: каждый твой приказ — это слово в языке тактики. Говори чётко.

Кирилл наклонился к панели, быстро ввёл новые координаты. На экране траектория дрона плавно изогнулась, перекрывая возможный путь противника. Система подтвердила изменение, и в тот же миг в наушниках раздался голос техника:

— Цель в зоне поражения. Готовность — тридцать секунд.

Полковник встал, бросив короткий взгляд на схему.

— Вот так и рождается ритм, — произнёс он тихо. — Сначала тишина. Потом шёпот. Потом крик. А после — шаг вперёд. Ты всё понял?

— Понял, — ответил Кирилл, чувствуя, как напряжение сменяется уверенностью. — Мы не просто выпускаем дроны. Мы задаём темп боя.

Воронов слегка улыбнулся — почти незаметно, но для Кирилла это было важнее любой похвалы.

— Тогда готовься. Штурм начнётся, когда «десятка» сделает своё дело. И от того, насколько хорошо ты научишь эти крылья летать вместе, будет зависеть, сколько людей вернётся обратно.

За стенами бункера небо становилось всё светлее. Рассвет окончательно вступил в свои права, окрашивая горизонт в холодные оттенки серого и золота. Но внутри, среди мерцания экранов и тихого гула аппаратуры, время шло по своим законам — законам тактики, где каждая секунда была выверена, а каждое решение имело вес.

Кирилл снова посмотрел на схему: 1, 1, 8. Теперь это были не просто цифры. Это был язык, на котором он учился говорить с войной. И он был готов произнести следующее слово.

Глава 3. «Радиус 80: карта угроз»

В центре командного пункта висела огромная интерактивная карта — словно живое сердце операции: пульсирующие метки, холодные линии маршрутов, красные пятна, обозначавшие вероятные угрозы. Кирилл стоял перед ней, чувствуя, как воздух становится гуще от напряжения. Здесь не было места догадкам: каждый сантиметр на экране стоил чьих-то жизней.

Рядом с ним склонились над планшетами офицеры штаба — майор Литвинов с его вечной привычкой постукивать карандашом по столу и капитан Руденко, который никогда не смотрел на людей, только на данные. Полковник Воронов стоял чуть поодаль, молча наблюдая, как команда сплетает из цифр и координат будущую реальность боя.

— Зона покрытия лёгких БПЛА — радиус 80 километров, — проговорил Литвинов, проводя пальцем по полупрозрачному кругу, наложенному на карту. — Внутри этого кольца мы можем наносить удары. Но вот вопрос: насколько мы можем доверять этому радиусу?

Кирилл сжал кулаки. Он знал, что за простым вопросом скрывается целая цепь проблем.

— Рельеф, — тихо произнёс он, указывая на участок к северу от основной дороги. — Там холмы. Они создают мёртвые зоны для связи. Если дрон уйдёт за гребень, сигнал может пропасть на несколько секунд. А в бою это вечность.

Руденко кивнул, не поднимая глаз:

— Подтверждаю. Плюс в этом районе зафиксированы источники радиопомех. Возможно, мобильные станции РЭБ. Мы не видим их напрямую, но статистика потерь связи в квадрате 17–23 говорит сама за себя.

На карте вспыхнули жёлтые треугольники — зоны нестабильной связи. Кирилл почувствовал, как внутри всё сжимается: эти треугольники были не просто отметками, а ловушками, расставленными невидимым противником.

— А ещё есть ПВО, — добавил Воронов, подходя ближе. — Не стационарные комплексы, а мобильные группы. Они не сидят на месте. Они перемещаются, охотятся на дроны. И если мы начнём бить по скоплению сил у перекрёстка, мы рискуем потерять сразу несколько лёгких БПЛА.

Кирилл посмотрел на восемь маленьких значков, обозначающих его ударные дроны. Восемь. Ровно столько, сколько было предусмотрено тактикой. И каждый из них был не просто машиной — он был частью ритма, который они пытались задать этому бою.

— У нас есть выбор, — продолжил полковник, голос его звучал ровно, но в каждом слове чувствовалась тяжесть решения. — Мы можем ударить прямо сейчас по скоплению пехоты у старого элеватора. Данные разведки подтверждают: там до роты противника, возможно, с поддержкой бронетехники. Удар будет болезненным, может сорвать их наступление.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Или мы можем сберечь дроны. Не тратить их на эту цель, а сохранить для прорыва. Когда штурмовая группа пойдёт вперёд, эти восемь БПЛА станут её глазами и кулаками. Они

смогут подавлять огневые точки, расчищать путь, прикрывать фланги. Это будет не просто удар — это будет поддержка наступления.

В комнате повисла тишина. Даже техника будто притихла, словно прислушиваясь к тому, что сейчас решат люди. Кирилл чувствовал на себе взгляды офицеров — не осуждающие, не требовательные, а ждущие. Они хотели услышать его голос, его оценку, его понимание ситуации.

— Если мы ударим сейчас, — начал он, стараясь говорить чётко и без дрожи, — мы нанесём урон, но рискуем остаться без прикрытия в момент штурма. А если мы сбережём дроны, противник может успеть перегруппироваться, подтянуть резервы, укрепить позиции. Тогда штурм станет намного тяжелее.

Литвинов постучал карандашом по краю планшета:

— То есть дилемма классическая: синица в руках или журавль в небе. Только цена здесь не абстрактная. Цена — в людях.

Воронов посмотрел на Кирилла долгим, внимательным взглядом:

— Ты управляешь «десяткой». Ты знаешь её возможности и её пределы. Скажи: что ты видишь? Не цифры. Не метки. А картину целиком.

Кирилл снова посмотрел на карту. Он видел не просто линии и квадраты — он видел поле боя, которое ещё не началось, но уже жило своей скрытой жизнью. Он видел холмы, прячущие помехи, видел невидимые мобильные группы ПВО, видел скопление сил у элеватора — цель, которая манила своей доступностью. И он видел пустоту впереди, где скоро должны были появиться штурмовые группы.

— Я вижу, что у нас нет идеального варианта, — произнёс он наконец. — Но у нас есть возможность сделать не идеальный, а правильный. Если мы нанесём удар по элеватору, мы не просто нанесём урон. Мы заставим противника реагировать. Он будет вынужден перебросить силы, раскрыть свои резервы, показать, где у него слабые места. И тогда, когда начнётся штурм, мы будем знать, куда бить.

Руденко впервые поднял глаза от планшета:

— Риск потери дронов остаётся высоким. Особенно если там действительно работают мобильные группы ПВО.

— Значит, нужно минимизировать риск, — ответил Кирилл, ощущая, как в нём просыпается холодная ясность. — Мы не будем бросать все восемь БПЛА в одну точку. Мы используем два лёгких дрона для удара по элеватору. Этого хватит, чтобы нанести ощутимый урон и заставить противника двигаться. Остальные шесть мы сохраним для прорыва. И распределим их так, чтобы избежать зон с сильными помехами и вероятным присутствием ПВО.

Воронов слегка наклонил голову, будто взвешивая слова.

— Продолжай.

— Разведывательный дрон будет работать на переднем крае, отслеживая перемещения противника после удара. Дальний дрон — на глубине, чтобы видеть, не подтягивают ли они резервы. А шесть оставшихся лёгких БПЛА мы распределим по флангам и переднему краю, заранее наметив маршруты, которые обходят холмы и зоны помех. Так мы сохраним связь и сможем быстро реагировать.

Литвинов хмыкнул, но в этом звуке слышалось одобрение:

— Не идеально, но логично. Ты не пытаешься сделать всё сразу. Ты расставляешь приоритеты.

Воронов подошёл к карте и провёл пальцем по маршруту, который Кирилл только что описал:

— Хорошо. Принимаем этот план. Два дрона — на элеватор. Остальные — в резерв для прорыва. Но помни: как только удар будет нанесён, противник начнёт действовать. И у

нас будет совсем немного времени, чтобы использовать то преимущество, которое мы себе создадим.

Кирилл кивнул. Он чувствовал, как напряжение в груди сменяется холодной собранностью. Теперь это была не просто теория — это становилось реальностью.

— Разрешите приступить к подготовке удара, — проговорил он, глядя прямо на полковника.

— Разрешаю, — коротко ответил Воронов. — И помни: каждая линия на этой карте — это риск. Но именно умение видеть эти риски и управлять ими отличает хорошего оператора от отличного.

Техники за пультами начали вводить новые команды, экраны мерцали, обновляя данные. Кирилл подошёл к своему месту, сел перед панелью управления и посмотрел на список дронов. Теперь он видел не просто номера и типы — он видел инструменты, каждый из которых должен сыграть свою роль в этой сложной симфонии боя.

Два лёгких БПЛА заняли позиции для удара. На экранах появились линии прицеливания, чёткие и безжалостные. Секунды отсчитывались, словно удары сердца. И когда пришло подтверждение готовности, Кирилл произнёс команду, которая должна была изменить ход событий:

— Удар разрешаю.

Первый дрон ушёл на снижение, за ним второй. На карте вспыхнули новые метки — цели были захвачены. И в тот момент, когда экраны показали начало атаки, Кирилл понял: они не просто наносили удар. Они рисовали новую реальность — шаг за шагом, квадрат за квадратом, линия за линией.

За пределами командного пункта рассвет окончательно уступил место дню. Небо стало чистым и холодным, словно специально расчистилось для того, чтобы дать дронам путь. Но внутри, среди мерцания экранов и напряжённой тишины, время текло по своим законам — законам тактики, где каждая секунда была выверена, а каждое решение имело вес.

Кирилл не отрывал взгляда от экранов. Он знал: самое сложное ещё впереди. Но теперь у них был план. И, что важнее, у него была уверенность, что этот план можно исполнить.

Глава 4. «Небо говорит: первые данные»

Разведывательный дрон уходил в глубину вражеской территории ровно, без рывков — будто не машина, а хищная птица, скользящая над самой кромкой земли, чтобы не выдать себя ни звуком, ни тенью. На экране в бункере его траектория тянулась тонкой светящейся линией, постепенно вытягиваясь, как натянутая струна, готовая вот-вот зазвенеть от напряжения.

Кирилл не моргал. Он смотрел на эту линию так, словно от её изгиба зависела не просто операция, а сама возможность дышать спокойно. Рядом тихо щёлкали клавиши, кто-то из техников бормотал цифры, но для Кирилла всё это сливалось в фоновый шум — единственным настоящим звуком был голос неба, который он пытался услышать через экраны.

— Сигнал стабилен, — проговорил техник, не отрываясь от монитора. — Высота — двести метров. Скорость — восемьдесят. Входим в зону повышенного риска.

«Зона повышенного риска» — звучало как предупреждение, как табличка на двери, за которой начинается неизвестность. Кирилл сжал пальцы на подлокотниках кресла. Он знал: сейчас дрон пересекает ту невидимую черту, где данные перестают быть прогнозами и становятся фактами. Фактами, за которые придётся отвечать.

На центральном экране появилось первое изображение с камеры. Сначала — просто пейзаж: серая лента дороги, редкие деревья, будто застывшие в ожидании чего-то страшного. Потом — детали. Тень у обочины, слишком ровная, чтобы быть просто тенью. Пятно на грунте, похожее на след от гусеницы. И наконец — объект.

— Есть контакт, — голос техника прозвучал чуть громче, чем раньше, и в нём слышалось напряжение, смешанное с азартом. — Квадрат 12–4. Стационарная позиция. Похоже на расчёт ПТРК. Подтверждаю: два оператора, оборудование развёрнуто.

Кирилл почувствовал, как по спине пробежал ледяной ток. Это была не просто отметка на карте. Это была угроза, ставшая реальной.

— Зафиксировать координаты, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи. — Передать в штаб.

Пока данные улетали по каналам связи, на экране мелькали новые кадры. Дрон делал плавный вираж, расширяя сектор обзора. И тут — ещё одна находка.

— Движение на второстепенной дороге, — сообщил второй оператор. — Колонна. Три единицы техники. Предположительно — броневики. Направление — к перекрёстку у элеватора.

Кирилл быстро сопоставил факты. Колонна шла туда, куда они планировали нанести удар двумя лёгкими БПЛА. Это меняло всё. Если противник подтягивал резервы, то их расчёт на дезорганизацию мог рассыпаться в считанные минуты.

— Дальний дрон, — вдруг раздался голос полковника Воронова, который незаметно подошёл к пульта. — Запроси у него данные по этому направлению. Пусть проверит глубину. Если там ещё что-то движется, мы должны это видеть.

Кирилл кивнул и отдал команду. Через несколько секунд на отдельном экране появилась картинка с дальнего БПЛА — более размытая, но охватывающая огромную территорию. И там, на периферии кадра, мелькнули ещё несколько точек — маленькие, едва заметные, но двигавшиеся в одном направлении.

— Подтверждаю дополнительные цели, — проговорил оператор дальнего дрона. — По меньшей мере ещё две колонны. Одна — с севера, вторая — с востока. Похоже, противник стягивает силы к узловой точке.

Воронов тихо выругался сквозь зубы — не от злости, а от тяжести понимания. Кирилл видел, как в глазах полковника складывается новая картина боя: не просто локальная стычка, а попытка противника создать ударный кулак именно там, где планировался прорыв.

— Значит, наш удар по элеватору может не просто нанести урон, — пробормотал Воронов, будто рассуждая вслух. — Он может стать спусковым крючком. Если мы ударим сейчас, противник бросит туда все резервы. И тогда наш штурм получит шанс пройти по ослабленному флангу.

Кирилл посмотрел на экраны. Теперь он видел не просто картинки с камер — он видел нити, связывающие события. Каждый кадр был узлом в огромной сети, и от того, какую нить дёрнуть первой, зависело, как распутается весь клубок.

— Продолжаем разведку, — приказал Воронов. — Пусть разведывательный дрон сделает ещё один заход. Нужно подтвердить наличие боеприпасов на позиции у дороги. Если там склад или узел снабжения — это меняет приоритеты.

Дрон снова пошёл на вираж. Камера плавно скользила по местности, выхватывая детали: ржавые контейнеры, накрытые маскировочной сетью, следы от колёс, ведущие в сторону лесополосы. И вдруг — резкий контраст: аккуратные штабеля ящиков, слишком ровные, чтобы быть случайными.

— Есть подтверждение, — сказал техник, увеличивая фрагмент. — Судя по габаритам, это ящики под боеприпасы. Возможно, полевой склад.

Кирилл почувствовал, как внутри всё сжалось в тугий узел. Это была крупная находка. Склад боеприпасов — цель, которая могла не просто замедлить противника, а лишить его возможности вести бой в этом секторе. Но чтобы ударить по нему, нужно было задействовать больше ресурсов. А у них оставалось всего шесть лёгких БПЛА в резерве для прорыва.

— Мы не можем тратить все силы на склад, — тихо произнёс Кирилл, будто боясь, что слова прозвучат как слабость. — Нам нужны дроны для поддержки штурма.

— Верно, — кивнул Воронов. — Но и игнорировать такую цель нельзя. Значит, нужно выбрать оптимальный вариант. Один лёгкий БПЛА — для удара по складу. Этого должно хватить, чтобы вызвать детонацию и вывести из строя запасы. Остальные пять — сохраняем для прорыва.

Кирилл снова посмотрел на панель управления. Пять дронов. Пять шансов поддержать своих, когда они пойдут вперёд. Он понимал, что полковник прав: нельзя жертвовать главным ради второстепенного. Но и нельзя оставлять без внимания то, что может переломить ход боя.

— Принято, — проговорил он, чувствуя, как холодная собранность вытесняет волнение. — Один лёгкий БПЛА на склад. Остальные — в резерв.

Техник быстро ввёл новые координаты, и на экране появилась траектория удара. Кирилл смотрел, как линия ложится на карту, пересекая зоны помех и обходя известные позиции ПВО. Это был не просто маршрут — это был расчёт, в котором каждая секунда имела значение.

— Готовность к удару — тридцать секунд, — сообщил оператор.

В бункере повисла тишина. Даже техника будто затаила дыхание. Кирилл знал: сейчас решается не просто судьба одной цели. Сейчас они проверяли, насколько точно умеют слышать небо — и насколько смело готовы действовать, услышав его голос.

Когда на экране вспыхнула отметка «удар нанесён», по комнате прокатился тихий вздох облегчения. Но Кирилл не позволил себе расслабиться. Он перевёл взгляд на разведывательный дрон, который продолжал кружить над территорией, собирая всё новые данные.

— Продолжаем наблюдение, — произнёс Воронов, и в его голосе слышалась не усталость, а стальная уверенность. — Небо ещё не всё сказало. Мы должны услышать остальное.

И Кирилл снова взгляделся в экраны. Кадры сменяли друг друга, складываясь в мозаику, где каждый фрагмент был важен. Он чувствовал, как с каждым новым сигналом его «глаза» становятся острее, а понимание поля боя — глубже. Впервые он по-настоящему ощутил: его работа — это не просто нажатие кнопок. Это диалог с войной, где каждое слово неба могло стать решающим.

За стенами бункера день становился всё ярче, но внутри царил полумрак, прорезанный светом мониторов. И в этом свете Кирилл видел не просто данные — он видел будущее боя, которое они создавали здесь и сейчас, шаг за шагом, кадр за кадром, решение за решением.

Он знал: впереди ещё много испытаний. Но сейчас у них были данные. А данные — это сила. И он был готов использовать эту силу, чтобы привести своих к победе.

Глава 5. «Дрон дальнего радиуса: прыжок в неизвестность»

Небо над передовой было обманчиво спокойным — ровное, бледно-серое, будто выцветшее от напряжения. Но Кирилл знал: в этой тишине пряталась смертельная геометрия — зоны ПВО, мобильные группы РЭБ, невидимые линии, пересекать которые означало рисковать не просто машиной, а всей операцией.

Дальний БПЛА должен был прыгнуть за горизонт — туда, где карты становились догадками, а данные — предчувствиями. Кирилл чувствовал этот дрон почти физически: как будто сам вытягивался вперёд, пытаясь заглянуть за край видимости.

— Запуск дальнего БПЛА, — проговорил он в микрофон, и собственный голос прозвучал непривычно твёрдо, будто уже оправдывал риск.

Аппарат оторвался от земли ровно, без рывка, и начал набирать высоту, уходя в сторону вражеской территории. На экране его траектория рисовала тонкую дугу, которая с каждой секундой становилась всё длиннее — и всё опаснее.

— Высота — тысяча двести, — доложил техник. — Скорость — сто десять. Входим в зону вероятных помех.

Кирилл кивнул, не отрывая взгляда от экрана. Он знал: чем дальше уходит дрон, тем заметнее он становится. И тем дороже стоит каждый лишний километр. Время, топливо, уязвимость — всё складывалось в одну безжалостную арифметику.

На панели начали вспыхивать предупреждения: уровень сигнала падал, система фиксировала внешние помехи, похожие на работу станций радиоэлектронной борьбы.

— Мы теряем стабильность канала, — тихо сказал оператор связи, будто боялся спугнуть хрупкий сигнал. — Если помехи усилятся, можем перейти на резервные частоты. Но это займёт время.

Время. Опять время. Кирилл стиснул зубы. В бою время было не фоном, а главным противником. Оно тянулось, когда нужно было спешить, и мчалось, когда хотелось подумать.

— Держим курс, — произнёс он, стараясь не выдать напряжения. — Если придётся менять частоту — делайте это без задержки. Нам нельзя терять связь ни на секунду.

Дрон продолжал идти вперёд, скользя сквозь невидимые стены помех. На экране картинка с камеры становилась зернистой, линии траекторий мерцали, будто пытались раствориться в шуме. Кирилл вёл аппарат буквально «на ощупь», полагаясь не только на приборы, но и на интуицию — на то странное чувство, которое приходит к тем, кто слишком долго смотрит на карты и экраны.

— Проходим первый рубеж, — сообщил техник. — Сигнал нестабилен, но держится.

Кирилл выдохнул, но не позволил себе расслабиться. Первый рубеж — это только начало. Дальше начиналось настоящее испытание.

Он увеличил масштаб карты, на которой были отмечены предполагаемые позиции противника. Каждый квадрат был потенциальной ловушкой. И каждый километр, который дрон преодолевал, стоил всё дороже.

Вдруг на одном из вспомогательных экранов мелькнула странная аномалия — небольшое пятно помех, которое не совпадало с известными источниками радиоизлучения. Оно было слишком плотным, слишком «организованным», чтобы быть случайным.

— Зафиксируйте этот сектор, — быстро сказал Кирилл, указывая на координаты. — Там что-то есть. Слишком много сигналов, слишком мало объяснений.

Оператор кивнул и начал углублённый анализ. Через несколько секунд на экране появилась новая картина: несколько источников излучения, расположенных по кругу, соединённых невидимыми линиями связи. Это была не просто станция РЭБ — это был узел.

— Подтверждаю, — проговорил оператор, голос его звучал напряжённо и в то же время взволнованно. — Это узел связи. Скорее всего, командный центр. Отсюда координируют передвижение резервов, передают приказы, управляют группами. Если мы его обнаружим точно — это будет серьёзный удар по управлению противника.

Кирилл почувствовал, как внутри всё сжалось. Узел связи. Именно то, что могло изменить баланс сил. Но чтобы подтвердить его местоположение, нужно было подойти ближе. А значит — рискнуть.

— Продолжаем движение, — решил он. — Нужно получить чёткие координаты. Без них мы не сможем нанести удар.

Дрон пошёл дальше, медленно, осторожно, будто пробираясь сквозь невидимую паутину. Помехи становились всё сильнее, картинка на экране то расплывалась, то снова собиралась в чёткие контуры. Кирилл корректировал курс, стараясь держать аппарат ровно, не давая ему уйти в зону, где связь могла пропасть окончательно.

— Сигнал падает, — предупредил оператор. — Мы на пределе. Ещё немного — и можем потерять канал.

Кирилл посмотрел на панель топлива. Запасы были на середине. Ещё несколько минут — и придётся либо возвращаться, либо рисковать всем.

— Ещё три минуты, — произнёс он твёрдо. — Нам нужно зафиксировать точные координаты. После этого — разворот и возвращение.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только тихим гулом техники и редкими короткими фразами операторов. Все понимали: сейчас решается судьба не просто одного дрона, а всей операции.

И вдруг на экране появилось то, что они искали: аккуратная сеть антенн, замаскированные бункеры, несколько машин у входа — всё это складывалось в картину настоящего командного узла. Камера сделала несколько снимков, система автоматически зафиксировала координаты, привязав их к сетке местности.

— Есть подтверждение, — тихо произнёс оператор. — Узел связи обнаружен. Координаты зафиксированы.

Кирилл на мгновение закрыл глаза. Напряжение, копившееся в груди, на секунду отступило, уступив место холодной ясности. Они сделали это. Они нашли то, что могло стать ключом к успеху.

— Начинаем возврат, — отдал он команду. — Максимально безопасный маршрут. Обходим зоны ПВО, используем естественные укрытия рельефа.

Дрон плавно развернулся и начал уходить назад, скользя вдоль линии холмов, прячась в их тени. Помехи постепенно слабели, сигнал становился стабильнее, и с каждым километром напряжение в комнате тоже немного спадало.

Когда аппарат наконец пересёк условную линию «своей» территории, по бункеру прокатился тихий вздох облегчения. Кирилл откинулся на спинку кресла, чувствуя, как дрожат пальцы — последствие долгого напряжения.

В этот момент в дверях появился полковник Воронов. Он подошёл к экрану, посмотрел на зафиксированные координаты, потом перевёл взгляд на Кирилла.

— Хороший результат, — сказал он спокойно, но в его голосе слышалось уважение. — Ты удержал дрон там, где многие бы его потеряли. И нашёл именно то, что нам нужно.

Кирилл кивнул. Он хотел ответить, но слова не шли. Он слишком хорошо понимал цену этого успеха: каждый лишний километр стоил нервов, топлива, риска. И теперь эти километры должны были окупиться.

— Узел связи, — продолжил Воронов, постучав пальцем по экрану. — Если мы нанесём по нему удар, противник потеряет координацию. Его резервы будут двигаться вслепую, приказы будут приходить с задержкой, а значит — мы получим преимущество для штурма.

Он посмотрел на Кирилла, будто проверяя, готов ли тот к следующему шагу:

— Ты понимаешь, что теперь от этих координат зависит многое?

— Понимаю, — ответил Кирилл, снова чувствуя, как напряжение возвращается, но уже другое — не страх, а ответственность. — Мы нашли его не для того, чтобы просто отметить на карте. Мы нашли его, чтобы использовать.

Воронов слегка улыбнулся — почти незаметно, но для Кирилла эта улыбка значила больше любой похвалы.

— Тогда готовься, — сказал полковник. — Скоро нам придётся превратить эти координаты в преимущество. И ты снова будешь в центре этого процесса.

Кирилл снова посмотрел на экраны. Дальний дрон уже возвращался на базу, его траектория становилась всё короче, а картинка — чётче. Но в памяти системы остались те самые кадры: узел связи, замаскированные бункеры, сеть антенн. И эти кадры теперь были не просто данными — они были оружием.

За стенами бункера день постепенно склонялся к вечеру. Тени становились длиннее, небо темнело, будто готовилось к тому, что скоро произойдёт. Но внутри, среди мерцания мониторов и тихого гула аппаратуры, время шло по своим законам — законам тактики, где каждый шаг был просчитан, а каждая секунда имела вес.

Кирилл знал: буря ещё не закончилась. Она только набирала силу. И теперь у них было то, что могло её переломить.

Глава 6. «Сетка огня: синхронизация ударов»

В бункере время перестало быть привычным. Оно раскололось на такты: тиканье таймеров, короткие команды, вспышки меток на экранах. Здесь не существовало «минуты» — была только «секунда до удара», «секунда после», «секунда на решение». Кирилл чувствовал, как его сознание подстраивается под этот ритм, превращаясь в точный, безжалостный механизм.

Перед ним горела интерактивная карта, покрытая сеткой квадратов. Каждый квадрат — потенциальная угроза или возможность. Поверх сетки лежали траектории лёгких БПЛА — восемь тонких линий, которые должны были превратиться в огненную сеть.

Полковник Воронов стоял у центрального экрана, не отрывая взгляда от данных. Его голос звучал ровно, но в каждом слове чувствовалась стальная необходимость:

— Штаб утвердил серию точечных ударов. Цели: скопление пехоты у лесополосы, выдвинувшийся броневик на развилке и огневая точка у моста. Задача — не дать противнику времени на реакцию. Работаем по принципу «один удар — сразу следующий».

Кирилл кивнул. Он понимал, что сейчас проверяется сама суть тактики «десятки»: не просто выпустить дроны, а заставить их работать как единый организм, где каждый элемент дополняет другой.

— Начинаем синхронизацию, — произнёс он, и по комнате прокатилась волна коротких команд.

Техники вводили координаты, система пересчитывала маршруты, сверяла высоты и углы захода. На отдельном экране мелькали таймеры: 120 секунд до первого удара, 90 — до второго, 60 — до третьего. Разница была рассчитана так, чтобы противник не успел понять, откуда пришёл следующий удар.

— Первый дрон на позицию, — доложил оператор. — Готов к атаке.

Кирилл посмотрел на панель управления. Лёгкий БПЛА номер один висел над лесополосой, его камера передавала чёткое изображение: серые фигуры, хаотичное движение, попытки рассредоточиться. Система уже зафиксировала приоритетную цель.

— Подтверждаю удар по первой цели, — проговорил Кирилл, и в его голосе не осталось ни волнения, ни сомнений — только холодная точность.

На экране вспыхнула отметка: «Удар нанесён». В ту же секунду таймер на второй цели перешёл в активную фазу.

— Второй дрон — заход на броневик, — продолжал Кирилл, следя за тем, как линия траектории плавно изгибается, обходя зону помех. — Держать угол атаки. Не дать им времени на манёвр.

Броневик только начал разворачиваться, когда второй удар пришёлся точно по ходовой части. На экране с камеры разведывательного дрона мелькнуло облако пыли и дыма — система подтвердила попадание.

Таймер тикал. 30 секунд.

— Третий дрон — огневая точка у моста, — отдал команду Кирилл, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел напряжения. — Максимальная скорость снижения. Работаем на опережение.

Третий БПЛА рванул вниз, словно хищная птица, и через несколько секунд на экране снова вспыхнула отметка о попадании.

Но это был только первый цикл.

— Переходим ко второй волне, — сказал Воронов, не сводя глаз с карты. — Цели изменились. Противник пытается перегруппироваться. Нам нужно не просто бить по старым координатам, а предсказывать их движение.

Кирилл быстро сверял данные: разведывательный дрон фиксировал новые перемещения, дальний БПЛА подтверждал выдвижение резервов. Картина складывалась стремительно, как мозаика в руках мастера.

— Четвёртый дрон — на перекрёсток, — решил он, вводя новые координаты. — Там формируется новая группа. Если мы ударим сейчас, они не успеют создать огневой заслон.

Удар прошёл точно.

Пятый, шестой, седьмой — каждый дрон выполнял свою задачу, создавая ту самую «сетку огня», которая не давала противнику ни секунды на передышку. Кирилл координировал их, словно дирижёр, управляющий невидимым оркестром: здесь чуть замедлить, там ускорить, здесь обойти препятствие, там ударить с неожиданного угла.

— Восьмой дрон — резерв, — проговорил он, не сводя взгляда с панели. — Пока не задействуем. Держим его для критической цели.

Воронов коротко кивнул:

— Правильно. Нам нужен резерв. В любой момент ситуация может измениться, и тогда этот дрон станет решающим.

И ситуация действительно изменилась.

На одном из экранов вспыхнула новая угроза: противник выдвинул мобильную группу ПВО, пытаясь перехватить инициативу. Их расчёт был прост: сбить хотя бы один БПЛА, нарушить синхронизацию, заставить операторов тратить время на корректировку.

— Они пытаются поймать нас на предсказуемости, — быстро сказал Кирилл, мгновенно просчитывая варианты. — Если мы продолжим бить по тем же секторам, они смогут выстроить защиту. Нужно изменить тактику.

— Предлагай, — коротко ответил Воронов.

— Используем восьмой дрон, — решил Кирилл. — Но не для стандартной атаки. Пусть он сделает ложный заход, отвлечёт их внимание. А в это время седьмой дрон нанесёт удар с другой стороны — там, где они не ждут.

План был рискованным. Он требовал идеальной синхронизации, когда две машины должны были действовать как одно целое: одна — отвлекать, другая — уничтожать.

— Выполнять, — подтвердил Воронов.

Восьмой БПЛА рванул вперёд, резко меняя высоту и траекторию, словно пытаясь проваться сквозь невидимую стену. На экранах вспыхнули отметки — противник отреагировал, перенаправляя свои силы на новую угрозу.

Именно в этот момент седьмой дрон ударил.

Точное, безжалостное попадание. Огневая точка противника была уничтожена, а мобильная группа ПВО осталась без прикрытия.

— Цель поражена, — доложил оператор, и в его голосе слышалось напряжение, смешанное с азартом.

Кирилл на мгновение прикрыл глаза. Он чувствовал, как адреналин пульсирует в висках, но не позволял себе расслабиться. «Сетка огня» продолжала работать, и каждый следующий удар должен был быть таким же точным.

Таймеры отсчитывали секунды. Данные стекались на экраны, складываясь в единую картину боя. Разведывательный дрон фиксировал панику в рядах противника, дальний БПЛА подтверждал, что резервы не успевают подойти. Тактика «десятки» работала: дроны не просто наносили урон — они диктовали темп боя, заставляя врага реагировать, а не действовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.